

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ

Сообщение Е.Л. Рудницкой

4 апреля 1866 г. Петербурге, у решетки Летнего сада, вольнослушатель Московского университета, член Ишутинской организации Д.В. Каракозов стрелял в Александра II. Только случай спас жизнь императора. Так, впервые в истории России было произведено открытое политическое покушение на главу государства с целью революционного переустройства существующего строя на новых социальных основах. Эхо этого выстрела глубоко отозвалось не только в сознании современников; его отзвуки проходят через все русское революционное движение последующих лет, вплоть до 1 марта 1881 г., когда был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный царю революционерами. Террористическая струя почти не обнаруживая себя, продолжала свое подземное существование, обретала все большую силу и, наконец, полностью возобладала в политических установках “Народной воли”. Но одновременно этот метод революционной борьбы вызывал и самое решительное неприятие. Не боясь вызвать гневного осуждения революционной молодежи, слово решительного осуждения террора открыто произнес Герцен.

Выстрел Каракозова поставил перед русским революционным движением совершенно новую для него проблему. Реакция на это событие складывалась из решения основных вопросов: допустим ли террористический метод как средство революционной борьбы вообще и насколько каракозовский выстрел был связан с деятельностью революционного подполья – вытекал ли он из этой деятельности, был ли ею обусловлен, или же должен рассматриваться как изолированное действие одиночки?

Первым откликом “Колокола” на событие 4/16 апреля 1866 г. была статья Герцена “Иркутск и Петербург”, открывавшая лист 219 от 1 мая 1866 г. Выстрел 4 апреля Герцен квалифицировал как “безумие”, как действие “какого-то фанатика”. Только в деятельности самих народных масс, в возрастании их исторической активности видел он силу исторического прогресса. Пафос статьи Герцена – в разоблачении правительственных репрессий против революционного лагеря. Статья “Иркутск и Петербург” имеет подзаголовок – “5 марта и 4 апреля 1866” (5 марта – ошибочно названная Герценом дата смерти Н.А. Серно-Соловьевича, умершего в Иркутске 14 февраля 1866 г. – см. XIX, 58–65).

Когда Герцен писал статью “Иркутск и Петербург”, никаких официальных сведений о стрелявшем в царя человеке в печати еще не появлялось. Герцен задержал завершение статьи до их поступления. 13/25 апреля в русских газетах было названо имя Д.В. Каракозова. О нем было сказано только, что он “саратовский помещик”. Не входя ни в какие комментарии по поводу сословной принадлежности стрелявшего, Герцен, начиная с первой статьи и во всех выступлениях по поводу события 4 апреля, последовательно стоял на позиции полного отрицания связи террористического акта с русским освободительным движением в целом. Герцен отрицал и связь между действием Каракозова и тайным обществом, членом которого он был. Несколько приглушая это утверждение в передовой “Колокола” от 15 июля 1866 г., Герцен писал: “Покушение 16(4) апреля не было следствием заговора, давно обдуманного и далеко распространенного, а делом небольшой кучки людей...” (XIX, 114). Когда в русской прессе был опубликован официальный отчет о результатах работы Верховной следственной комиссии по делу Каракозова, в котором излагались цель и средства деятельности “организации” ишутинцев, Герцен нашел в нем подтверждение того, что раздуваемая председателем комиссии Муравьевым-вешателем, подхваченная официозной печатью легенда о “великом заговоре” есть правительственная ложь.

Отвергая террор как средство революционной борьбы и рассматривая выстрел Каракозова изолированно от общего хода русского революционного движения, редакция “Колокола” заявляла о своей солидарности с программой этого движения,

которое выступило против существовавшего в стране социально-политического строя. Герцен видел в действовавших тогда революционерах прямых продолжателей борьбы, возглавлявшейся “Землей и волей”, потерявшей вследствие правительственного террора своих самых выдающихся представителей.

“Письмо к императору Александру II” по поводу выстрела Каракозова, помещенное в л. 221 “Колокола” от 1 июня 1866 г., было четвертым и последним обращением Герцена к российскому самодержцу. Два его первых письма, относящихся ко второй половине 1850-х годов, когда правительство открыто заявило о взятом им курсе на реформы, подготовке отмены крепостного права, имели своим теоретическим основанием идею “самодержавной революции”. Уходя своими корнями в петровские преобразования, эта идея – итог движения общественной мысли последекабристского периода в поисках наиболее приемлемого пути общественного развития России.

Она явилась результатом учета реальной исторической ситуации, осознания нравственной ответственности за судьбы страны. Отчетливо понимая, что революция и реформа решают одни и те же задачи, Герцен вплоть до начала 1860-х годов отдавал все же предпочтение (хотя и с известными колебаниями) реформаторскому пути, позволявшему избежать кровавых катаклизмов с их совершенно непредсказуемыми социальными последствиями.

Письма к Александру II 1865 и 1866 гг. отражают известный сдвиг в позиции Герцена, вызванный разочарованием в реформах, проводимых царизмом, и сочувствием к движению разночинной интеллигенции, развернувшемуся после отмены крепостного права.

И если в предыдущем письме от 22 мая 1865 г. Герцен еще считал возможным, хотя и чисто демонстративно, призывать Александра II примкнуть к лозунгу Земского собора, то теперь обращение Герцена связано с одним единственным моментом, который составлял подлинный смысл и предыдущего письма. Это был призыв к человеку, обладавшему неограниченной властью, прекратить разгул “белого террора”. Насколько Герцен сам уже не рассчитывал на добрую волю Александра II (о чем он считал нужным дать понять читателям), свидетельствует помещенное сразу же вслед за “Письмом к императору Александру II” “Напоминание”, текст которого гласил: “Мы просим наших читателей – утром вставая и вечером ложась спать, вспоминать, что дело о выстреле 4/16 апреля не будет судиться публично” (XIX, 83). Между тем, в предыдущем листе “Колокола”, в заметке под названием “Вот вам и гласный суд” сообщалось, что царем отклонено обращенное к нему ходатайство С.-Петербургской думы о гласном суде над Каракозовым.

Непосредственным дополнением к “Письму” являлась и следовавшая затем статья Герцена “Из Петербурга”. В нее было включено полученное редакцией письмо из России с описанием неистовства реакции, массовых арестов, а также допросов и истязаний, которым подвергался Каракозов. Герцен клеймил проклятием и позором не только Муравьева, правительство и его “полиции”, но и все “консервативно-либеральное” дворянство, бросившееся в объятия реакции и забывшее и о своих олигархических притязаниях, и о своих либерально-конституционных проектах. Собственную жизненную задачу Герцен видел в “обличении перед миром исторического преступления, совершавшегося в России”, в “подкреплении и утешении несчастного молодого поколения, идущего на мученичество за свою святую любовь к истине, за свою юную веру в Россию”. “Мы, старики, – продолжал он, – станем у изголовья гонимых, отирая пятна клеветы и благословляя погибающих провозвестников будущей России” (XIX, 84–88).

Подтверждением того, что “Письмо к императору Александру II” и статья “Из Петербурга” составляли единое идейно-тематическое целое, является их публикация отдельным изданием в виде брошюры на французском языке. Издание это оставалось неизвестным, оно не учтено ни в одном из справочников. На титульном листе читаем: «“Lettre adressée à l'Empereur de Russie par Alexandre Herzen”. Genève, Imprimerie Russe, Pré-l'Evêque, 40. 1866». К заглавию в брошюре сделана сноска:

“Cette lettre et la correspondance de Pétersbourg qui la suit ont paru le 1-er juin 1866 dans le *Kolokol*. Cette feuille du journal russe a été envoyée par la poste à l’Empereur”^{19*}. Вторая сноска находится на этой же странице, она относится к словам о преследовании и унижении властями ни в чем не повинных людей: “Voyez la correspondance de Pétersbourg qui suit la lettre”^{20*}. Текст заметки “Напоминание”, напечатанный в “Колоколе” между обращением к царю и “Письмом из Петербурга” в брошюре, с пометкой “N3”, без заглавия, помещен в самом ее конце, сразу же за подписью Герцена под письмом.

Таким образом, отдельным изданием этих материалов, предназначенным западному читателю, Герцен подчеркнул (и дважды специально сказал об этом в примечаниях) их нераздельность. Опубликованные в виде брошюры, они отчетливо выявили ограничительный смысл обращения к царю; центр тяжести переносился на разоблачение царизма. Особо очевидным делался и подлинный смысл этого выступления, таким, как он был задуман Герценом.

Список изданий Вольной русской типографии теперь пополняется еще одним названием. Брошюра “Lettre adressée à l’Empereur de Russie” дает представление о сложной эволюции, через которую прошли политические воззрения Герцена в 1860-е годы, в период сосредоточенных философских поисков последних лет его жизни.

ГЕРЦЕН В ЖЕНЕВЕ

Сообщение И.И. Сиволоп - Кафтановой

Швейцарии повезло больше, чем другим странам Западной Европы: благодаря своему нейтралитету, она прожила последние полтора столетия с наименьшими ударами – не воевала, ее города не подвергались бомбардировкам и артиллерийским обстрелам; многое в ней осталось таким, каким было во времена Герцена. Но и в Швейцарии рука современного человека все активнее разрушает историческую сердцевину древних городов. Тем не менее, в Женеве все еще сохранилось довольно много памятных мест, связанных с Герценом. Дома, в которых он жил или бывал пока в основном еще устояли в стремительном азарте перестроек, которым охвачен весь мир. Объясняется это тем, что, будучи человеком состоятельным и не скупым, он всегда предпочитал селиться в дорогих, просторных и добротно возведенных зданиях.

В 1849 г., в связи с предполагаемым переездом Герцена и его семьи из Парижа, Огарев писал ему: “А вы-то, счастливыцы, собираетесь в Женеву, мое любимое место. Я рад за вас: это мирный уголок, куда весело приехать семьей и жить про себя” (РП IV, 88).

У Герцена отношение к этому городу было более сложным. В его сочинениях и переписке сохранилось немало доброжелательных отзывов о Женеве, о ее природе, политическом и социальном строе. Нередко попадают все же и гораздо более жесткие, но почти всегда справедливые оценки. Швейцарию часто посещали русские – политические деятели, дипломаты, художники, писатели, учащая молодежь. До нас дошло множество путевых заметок о природе Швейцарии, так поражавшей русских путешественников, зарисовки пейзажей и городских достопримечательностей. Но редко кто останавливался на политической жизни этой маленькой республики, упорно отстаивавшей свою политическую систему. В окружении великих монархических держав – Франции, Австрии, немецких княжеств и королевств – это было делом нелегким. Герцен, пожалуй, был чуть ли не единственным крупным русским политическим мыслителем середины XIX в., подвергшим проницательному анализу

^{19*} Публикуемое письмо и корреспонденция из Петербурга, которая следует за ней, помещены в “Колоколе” от 1 июня 1866 г. Этот лист русской газеты был отправлен по почте императору – (франц.).

^{20*} См. корреспонденцию из Петербурга, которая следует за письмом (франц.).